

ОБ АВТОБИОГРАФИЗМЕ ПУШКИНСКОЙ ЛИРИКИ ЮЖНОГО ПЕРИОДА

Одной из наиболее дискуссионных проблем пушкиноведения до настоящего времени остается проблема автобиографизма пушкинской лирики. На ступень научного осмысления эта проблема была поднята Б. В. Томашевским в его относящейся ко времени споров «антибиографиста» В. В. Вересаева с «наивными биографистами» М. О. Гершензоном и В. Ф. Ходасевичем¹ книге «Пушкин. Современные проблемы историко-литературного изучения» (Л., 1925). Исследователь выделял несколько поводов, по которым биографизм собственных поэтических признаний Пушкина заслуживал серьезного внимания.

Во-первых, это так называемый «императивный биографизм текста», т. е. те случаи, когда «самый текст произведений как бы обрастает необходимым биографическим комментарием. Стихи пишутся как бы в расчете на то, что читателю кое-что известно из биографии автора». При этом «биографические намеки лишь отчасти сводимы с реальными сведениями из жизни Пушкина. В значительной же мере они требуют очень сложного психологического истолкования. . .»

Во-вторых, это биографическая легенда, созданию которой сознательно способствует сам поэт. «Мы видим, как он из каких-то осколков личной жизни, которая у него слагалась вовсе не по идеальному канону лирического романтизма, склеивает, восполняя пустоты мистификацией, эти „безыменные страдания“, причинившие столько горя всем исследователям», — пишет Томашевский, цитируя известные строки «Евгения Онегина», давшие толчок возникновению легенды об «утаенной» любви Пушкина.

И, наконец, «третий класс поводов», по Томашевскому, «это вопросы, связанные с так называемой „литературной историей“ произведений поэта. Вопросы эти, тесно примыкающие к изучению текста, требуют точного знания обстоятельств, окружавших создание произведений, историю документов поэтического творчества, историю опубликования и т. д.»²

Выделенные Томашевским три случая, в которых для понимания произведения необходимо его соотнесение с биографией, признаются далеко не всеми современными исследователями. Соответственно в разной степени они и изучены. Что касается так называемого «императивного биографизма текста», то необходимость биографического комментария, в этом случае принимающего характер «расшифровки» конкретных лиц, к которым обращено произведение или которые в нем упоминаются, ни у кого не вызывает сомнений. Второй случай сознательного мистифицирования читателя самим Пушкиным, способствования автором созданию вокруг его лирики ореола таинственности, биографической легенды, в по-

¹ Вересаев В. В. в двух планах. М., 1929; Гершензон М. Мудрость Пушкина. М., 1919; Ходасевич В. Поэтическое хозяйство Пушкина. Л., 1924.

² Томашевский Б. Пушкин: Современные проблемы историко-литературного изучения. Л., 1925, с. 61—66.

следнее время привлечь внимание Ю. М. Лотмана.³ Как ни странно, но до сих пор иногда вызывает возражения необходимость сопоставления произведения с биографией самого поэта в третьем, согласно классификации Томашевского, случае, т. е. когда герои пушкинского стихотворения не нуждаются в расшифровке, когда за ними не стоят конкретные лица, но когда конкретные биографические обстоятельства, в которых создавалось произведение, в трансформированном виде все же отразились в произведении.⁴

Изучение «литературной истории» произведения, в особенности лирического, которое так или иначе представляет собой сложное и опосредованное, но все же отражение психологического состояния самого поэта, представляется тем не менее решительно необходимым. Предпочтение, оказываемое иногда историческому и литературному фону над собственно биографическим фоном стихотворения, неправомерно. Сложность рассмотрения этого третьего, по Томашевскому, случая заключается, однако, в том, что реальные личные обстоятельства, в которых создавалось лирическое произведение, предстают в нем значительно трансформированными в соответствии с авторским замыслом и литературными моделями времени, так сказать, «олитературенными». Именно это «несовпадение» лирического образа с реальным автором и поэтических мотивов с биографическими обстоятельствами и вызывает, как правило, возражения против проведения параллелей. Преодолеть эту сложность может помочь только одновременное рассмотрение биографического и литературного фона стихотворения, при котором первый помогает понять, что подвергается трансформации, а второй — *почему* именно в этом, а не в каком-либо другом направлении. И несмотря на всю сложность подобных операций, в самой осторожной и взвешенной форме производить их все же необходимо, так как и результаты такого анализа трудно переоценить. Только благодаря этому можно понять или представить себе хотя бы в гипотетической форме те жизненные импульсы, которые толкали поэта на создание конкретных лирических произведений. Только таким образом «можно глубже понять психологическое состояние поэта».⁵

Обсуждение проблемы автобиографизма пушкинского творчества до настоящего времени ведется в самом общем плане. Между тем по мере творческого развития Пушкина изменялся и характер автобиографизма его произведений. В разные периоды творческого пути поэта на передний план выходили разные формы преломления в произведениях реальной биографии Пушкина. Так, лицейский период был преимущественно временем преобладания поэтической условности, в первый же петербургский период мы сталкиваемся главным образом с так называемым «императивным биографизмом», а также с достаточно прямой связью между биографическими обстоятельствами и создаваемыми произведениями (т. е. третьим, по Томашевскому, случаем). Настоящая работа имеет своей целью наметить общую эволюцию пушкинского автобиографизма в южный период и проанализировать характер автобиографизма пушкинской лирики в первый год ссылки.

Обращаясь к пушкинским стихотворениям первого года южной ссылки, нетрудно обнаружить ряд любовных стихотворений, связанных

³ Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин: Биография писателя. Л., 1981.

⁴ См., например: Макогоненко Г. П. Творчество А. С. Пушкина в 1830-е годы: (1830—1833). Л., 1974, с. 32—95. Показательно, что отрицание необходимости сопоставления лирических признаний с биографическими обстоятельствами приводит исследователя к конструированию некоего абстрактного любовного чувства, «могучей страсти», которая захватила Пушкина и которой «он оказался верен до конца жизни», и особого лирического цикла, связанного с этой неведомой страстью.

⁵ Левкович Я. Л. Биография. — В кн.: Пушкин: Итоги и проблемы изучения. М.; Л., 1966, с. 301.

с каким-то новым увлечением поэта. Ряд этот открывается пьесами, написанными в Гурзуфе, и, по-видимому, завершается произведениями, созданными в апреле-мае 1821 года в Кишиневе. Центральное место в нем занимает группа стихотворений, которую сам Пушкин в письме к А. А. Бестужеву от 13 июня 1823 года назвал «моей Анфологией». «... Не лзя ли вновь осадить цензуру и, со второго приступа, овладеть моей Анфологией?»⁶ — спрашивал Пушкин у издателя «Полярной звезды», которому, очевидно, послал ряд стихотворений. Мы можем с большой долей вероятности предполагать, что среди произведений, которые поэт обозначил этим выражением, были «Увы! зачем она блистает...», «К портрету Вяземского», «Нереида» и «Редает облаков летучая гряда», опубликованные в «Полярной звезде» на 1823-й и 1824 годы.

Другие стихотворения этой группы — по цензурным причинам или по причине размолвки с Бестужевым, напечатанным пушкинские стихи с опечатками, — так и не появились в «Полярной звезде». Судить о пушкинской «Анфологии» мы можем поэтому лишь по публикации в сборнике «Стихотворения А. Пушкина» 1826 года, где двенадцать стихотворений напечатаны в разделе «Подражания древним», и по третьей кишиневской тетради поэта, где девятнадцать его стихотворений записаны под заголовком «Эпиграммы во вкусе древних». Очевидно, что именно большинство из этих произведений Пушкин и называл «моя Анфология».⁷

Замысел этот в его текстологическом и источниковедческом основании был подробно изучен В. Б. Сандомирской.⁸ Литературный фон относящихся к нему стихотворений проанализирован С. С. Любомудровым, Л. П. Гроссманом, Д. П. Якубовичем и другими исследователями.⁹ Между тем вопрос об автобиографической основе замысла до сих пор не ставился, хотя накопленные наблюдения позволяют это сделать.

Первые пять стихотворений: «Нереида», «Редает облаков летучая гряда», «Земля п море», «Красавица перед зеркалом» и «Увы! зачем она блистает...» — по-видимому, были записаны в тетрадь 9 февраля 1821 года.¹⁰ Пушкин в это время находится в Киеве, где гостит у генерала Н. Н. Раевского и общается с членами его семейства. Первые два написаны раньше, в Каменке, в ноябре-декабре 1820 года. «Земля и море» (здесь под заглавием «Морской берег») помечено 8 февраля. Четверостишие «Мила красавица, когда свое чело...» обозначено 9 февраля 1821 года. Наконец, элегия «Увы! зачем она блистает...» написана еще в период пребывания Пушкина в Гурзуфе. Таким образом, все эти пять стихотворений относятся ко времени общения Пушкина с семьей Раевских. Почти все стихотворения (кроме «Красавицы перед зеркалом») навеяны крымскими впечатлениями, и вопрос об их биографической

⁶ Пушкин. Полн. собр. соч. [Л.], 1937, т. 13, с. 64. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

⁷ Т. Г. Цявловская в академическом издании относила этот заголовок лишь к первым двум пьесам из девятнадцати, расположенных под ним (т. 2, с. 636—637). В. Б. Сандомирская, исходя из истории заполнения третьей кишиневской тетради, отнесла его ко всем пьесам (*Сандомирская В. Б. Из истории пушкинского цикла «Подражания древним»: (Пушкин и Батюшков).* — В кн.: *Временник Пушкинской комиссии: 1975. Л., 1979, с. 15—30*). Нам представляется более вероятным, что Пушкин, перебеляя стихотворения в третьей кишиневской тетради, постепенно отошел от принципа их отбора, обозначенного в заголовке, и начал записывать в ней лирические стихи вообще.

⁸ *Сандомирская В. Б. Указ. соч., с. 15—30.*

⁹ *Любомудров С. С. Античный мир в поэзии Пушкина. М., 1899; Гроссман Л. Пушкин и Андре Шенье. — От Пушкина до Блока: Этюды и портреты. М., 1926, с. 27; Якубович Д. П. Античность в творчестве Пушкина. — В кн.: Пушкин: Временник Пушкинской комиссии. М.; Л., 1941, т. 6, с. 92—159.*

¹⁰ *Сандомирская В. Б. Указ. соч., с. 19.*

основе связывается, таким образом, с вопросом об увлечении поэта, возникшем в Гурзуфе. Дальнейший характер записей в третьей кишиневской тетради позволяет высказать некоторые соображения об автобиографической основе не только этих пяти, но и некоторых из последующих любовных элегий и антологических пьес.

В большинстве наиболее авторитетных пушкиноведческих исследований принята та точка зрения, согласно которой по крайней мере некоторые из стихотворений, созданных в Крыму или навеянных крымскими впечатлениями, питались настроениями, возникшими в ходе общения поэта со старшей дочерью генерала Н. Н. Раевского Екатериной Николаевной. Эта точка зрения имеет в своем основании ряд свидетельств, исходящих как от самого Пушкина, так и от его ближайшего окружения, которые заставляют предполагать неравнодушные поэта к Екатерине Раевской. Оговоримся сразу, что вопрос о том, насколько глубоко Пушкин был увлечен, мы оставляем в стороне. Для нас важно то, что у Пушкина появились реальные впечатления, которые питали любовную тему в его творчестве.

Прежде всего, это отзыв о Е. Раевской самого Пушкина в письме к брату, написанном сразу же по окончании крымского путешествия, во время кратковременной разлуки с Раевскими: «Мой друг, счастливейшие минуты жизни моей провел я посреди семейства почтенного Раевского. . . Все его дочери — прелесть, старшая — женщина необыкновенная. Судя, был ли я счастлив: свободная, беспечная жизнь в кругу милого семейства; жизнь, которую я так люблю и которой никогда не наслаждался — счастливое, полуденное небо; прелестный край: природа, удовлетворяющая воображение — горы, сады, море; друг мой, любимая моя надежда есть — увидеть опять полуденный берег и семейство Раевского. . . Теперь я один в пустынной для меня Молдавии» (т. 13, с. 19). Об увлеченности поэта Е. Н. Раевской свидетельствуют также и ее собственные слова об отношениях с Пушкиным после того, как она вышла замуж за М. Ф. Орлова, в письме к А. Н. Раевскому от 12 ноября 1821 года: «Пушкин больше не корчит из себя жестокого, он очень часто приходит к нам курить свою трубку и рассуждает или болтает очень приятно».¹¹ К этому пока добавим лишь рассказ М. Н. Раевской,¹² записанный с ее слов П. И. Бартеневым: «Там (в Гурзуфе, — С. К.) ждала путешественников остальная семья Раевского, жена Софья Алексеевна (Константинова) и еще две дочери, старшая всем Екатерина (теперь Орлова) и Елена лет 16-ти. Пушкин особенно любезничал с первой, спорил с ней о литературе и пр. Елена была девушка очень стыдливая, серьезная и скромная».¹³

В Гурзуфе Пушкиным было написано стихотворение «К***»:

Зачем безвременную скуку
Зловещей думою питать,
И неизбежную разлуку
В уныньи робком ожидать?

¹¹ Цит. по: Гершензон М. О. М. Ф. Орлов. — История молодой России. М.; Пг., 1923, с. 34.

¹² Что касается легенды об увлечении Пушкина самой Марией Раевской, то она, несомненно, возникла благодаря муссированию некоторых моментов биографии и творчества поэта, которое проделывалось во многом под влиянием позднейшей романтической биографии М. Н. Раевской-Волконской. См.: Бартенев П. И. Пушкин в южной России. М., 1862; Щеголев П. Е. Из разысканий в области биографии и творчества Пушкина. — Из жизни и творчества Пушкина. 3-е изд. М.; Л., 1931, с. 222—243. В «Посвящении» к «Полтаве», скорее всего, присутствует сознательное создание вокруг своего произведения легендарной атмосферы.

¹³ Цит. по: Пушкин в воспоминаниях современников: В 2-х т. М., 1985, т. 1, с. 219.

И так уж близок день страданья!
 Один, в тиши пустых полей,
 Ты будешь звать воспоминанья
 Потерянных тобою дней!
 Тогда изгнаньем и могилой,
 Несчастный! будешь ты готов
 Купить хоть слово девы милой,
 Хоть легкий шум ее шагов.

(т. 2, с. 144)

Это стихотворение, хотя и не содержит в ярко выраженной форме «императивного биографизма», не требуя непременно расшифровки, кто именно имеется в виду под «девой милой», однако же нуждается в биографическом комментарии, хотя бы в плане творческой истории произведения. Не случайно М. А. Цявловский в «Летописи жизни и творчества А. С. Пушкина» считал необходимым сказать о нем: «Стихотворение адресовано предположительно к Ек. Н. Раевской».¹⁴

Другое «гурзуфское» стихотворение «Увы! зачем она блистает...»:

Увы! зачем она блистает
 Минутной, нежной красотой?
 Она приметно увядает
 Во цвете юности живой... —

обыкновенно связывали с Еленой Раевской, болезненной дочерью генерала Раевского. Однако, по мнению Б. В. Томашевского, «вероятнее, что Пушкин имел в виду старшую дочь Екатерину: именно ее болезнью и была вызвана поездка Раевских в Крым».¹⁵ Эта точка зрения находит документальное подтверждение в переписке Раевских. Так, рекомендуя в письме к своей матери С. А. Раевской от 6 июня 1820 года остановиться в Кучук-Ламбате, Н. Н. Раевский-младший писал: «Судак, Кафы, Балаклава не то же самое и не следует предпринимать путешествие такой протяженности, в особенности в настоящем состоянии Катеньки. Вы ведь знаете, что чуть не решили предписать ей поездку в Италию».¹⁶ Одновременно Н. Н. Раевский-старший писал Екатерине Николаевне: «Где ты, милая дочь моя Катенька? Каково твое здоровье и здоровье сестры твоей Аленушки? Вот единственная мысль, которая и во сне меня не оставляет... Железные воды делают чудеса во всяком роде расслабления, как и в том случае, в каком ты, мой друг, находишься».¹⁷ Итак, очевидно, что нездоровы были обе дочери генерала Раевского, но состояние старшей внушало гораздо более серьезные опасения.

Разумеется, нельзя отбросить совсем возможность отражения в стихотворении «Увы! зачем она блистает...» также и впечатлений Пушкина от общения с Еленой Раевской. Но два обстоятельства заставляют отнести его преимущественно к Екатерине Николаевне Раевской. Во-первых, пьеса эта существенно перекликается со стихотворением «Зачем безвременную скуку...». Ср. близкие мотивы в стихотворении «Увы! зачем она блистает...»:

Спешу в волненьи дум тяжелых,
 Сокрыв уныние мое,
 Наслушаться речей веселых
 И наглядеться на нее;

¹⁴ Цявловский М. А. Летопись жизни и творчества А. С. Пушкина. М., 1951, т. 1, с. 237.

¹⁵ Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: В 10-ти т. 4-е изд. Л., 1977, т. 2, с. 355.

¹⁶ Архив Раевских. СПб., 1908, т. 1, с. 220—221.

¹⁷ Там же, с. 516—517, 524.

Смотрю на все ее движенья,
Внимаю каждый звук речей —
И миг единый разлученья
Ужасен для души моей.

(т. 2, с. 143)

Во-вторых, последнее четверостишие этого стихотворения, приведенное выше, вписано в записную книжку Пушкина с двумя пометами: «8 февр<аля> 1821. Киев.» и «9 fév<rieg> ар<gès> d<iner>».¹⁸ Это четверостишие, записанное отдельно, могло «9 февраля после обеда» иметь особый смысл только по отношению к Ек. Н. Раевской, которая как раз около этого времени была помолвлена с М. Ф. Орловым. Возможно, первая дата — это дата помолвки, а вторая обозначает момент, когда о ней узнал Пушкин. Во всяком случае, 12 февраля 1821 года в письме из Киева к сестре М. Ф. Орлов впервые писал о своей помолвке как о уже свершившемся факте.¹⁹

С полной уверенностью мы можем утверждать сегодня, что именно Екатерина Раевская и есть «дева юная», искавшая во мгле вечернюю звезду на таврическом небе в пушкинской элегии «Редает облаков летучая гряда...». Вопрос этот, обсуждавшийся в пушкиноведении на протяжении столетия, решился сопоставлением пушкинского стихотворения с письмом М. Ф. Орлова к Е. Н. Раевской-Орловой от 3 июля 1823 года из Кишинева в Одессу, которое было произведено Б. В. Томашевским: «Среди кучи дел, одни докучнее других, я вижу твой образ как образ милой подруги и приближаюсь к тебе или воображаю тебя близкой всякий раз, как вижу достопамятную Звезду, которую ты мне указала. Будь уверена, что едва она восходит над горизонтом, я ловлю ее появление с моего балкона».²⁰

Напомню также, что предположительно к Ек. Н. Раевской относят и антологический отрывок «Красавица перед зеркалом», созданный 9 февраля в Киеве. В поэтическом портрете:

Взгляни на милую, когда свое чело
Она пред зеркалом цветами окружает,
Играет локоном — и верное стекло
Улыбку, хитрый взор и гордость отражает —

(т. 2, с. 163)

Т. Г. Цявловская видит прямое соответствие пушкинским зарисовкам Екатерины Николаевны Раевской.²¹

Предполагать вполне конкретные биографические обстоятельства как источник некоторых других стихотворений Пушкина этого времени нас заставляет то, что именно тогда, как справедливо отмечал Б. В. Томашевский, «тема личности и ее страстей в лирике Пушкина... приобретает особенно автобиографический характер. Собственным жизненным опытом Пушкин наполняет содержание своих лирических произведений».²²

8 февраля — той же датой, что и беловой автограф пьесы «Увы! зачем она блистает...», — помечено стихотворение «Земля и море». Оно отражает настроение душевного мира и спокойствия, владевшее поэтом в Киеве в кругу Раевских. Написанное спустя всего две недели в Каменке стихотворение «Я пережил свои желанья...» прямо противоположно по настроению:

¹⁸ Пушкин А. С. Соч. / Под ред. С. А. Венгерова. СПб., 1908, т. 2, с. 551.

¹⁹ Гершензон М. О. История молодой России, с. 33.

²⁰ Цит. по: Томашевский Б. В. Пушкин. М.; Л., 1956, кн. 1, с. 488.

²¹ Цявловская Т. Г. Рисунки Пушкина. М., 1970, с. 134.

²² Томашевский Б. В. Пушкин, кн. 1, с. 485.

Я пережил свои желанья,
Я разлюбил свои мечты;
Остались мне одни страданья,
Плоды сердечной пустоты.

Под бурями судьбы жестокой
Увял цветущий мой венец —
Живу печальный, одинокой,
И жду: придет ли мой конец?

Так, поздним хладом пораженный,
Как бури слышен зимний свист,
Один — на ветке обнаженной
Трепещет запоздалый лист!..

(т. 2, с. 165)

Отнюдь не имея в виду сводить смысл этого стихотворения к любовной неудаче, скажем, что настроение, выраженное в нем, мотивы разочарования в жизни и одиночества, вероятно, связаны с состоявшейся незадолго до создания пьесы помолвкой М. Ф. Орлова и Ек. Н. Раевской. Симптоматично почти полное совпадение: 23 февраля, на другой день после того, как было написано стихотворение «Я пережил свои желанья...», А. И. Тургенев сообщал в письме П. А. Вяземскому: «Михайло Орлов женится на дочери генерала Раевского, по которой вздыхал поэт Пушкин».²³

Любопытно, что, по-видимому, также 22 февраля,²⁴ вслед за элегией «Я пережил свои желанья...», Пушкин записывает с пометой «1817» свое лицейское стихотворение «В Альбом» («Пройдет любовь, умрут желанья...»), адресованное корнету гусарского полка Алексею Зубову, тем самым как бы «применяя» свое старое стихотворение к нынешним обстоятельствам:

Пройдет любовь, умрут желанья;
Разлучит нас холодный свет;
Кто вспомнит тайные свиданья,
Мечты, восторги прежних лет?..
Позволь в листах воспоминанья
Оставить им минутный след.

(т. 1, с. 257)

В этот же день, по всей видимости,²⁵ он делает несколько поправок в стихотворениях «Редеет облаков летучая гряда» и «Земля и море». В первом он меняет «таврические» волны на «полуденные», а во втором стихи:

Я внемлю шуму смиренных вод
Под темным явором долины —

на:

А я в надежной тишине
Внимаю шум ручья долины.

В обоих случаях Пушкин маскирует отнесенность стихотворений к крымскому пейзажу, придавая их содержанию более отвлеченный характер.

Симптоматично, что именно в это время у Пушкина в лирике появляется образ «гордой девы», «гордой жены», недоступной красавицы, который сам Пушкин впоследствии поминал как непреходящий элемент

²³ Остафьевский архив. СПб., 1899, т. 2, с. 168.

²⁴ Сандомирская В. В. Указ. соч., с. 19.

²⁵ Там же.

того лирического канона, с которого начиналось его романтическое творчество:

В ту пору мне казались нужны
Пустыни, волн края жемчужны,
И моря шум, и груды скал,
И гордой девы идеал...²⁶

(т. 6, с. 200)

Есть все основания полагать, что этот мотив, имеющий свое литературное происхождение и обязанный своим возникновением поэтическим традициям романтизма, сложился в творчестве Пушкина также и под влиянием конкретных биографических обстоятельств.

Эти обстоятельства кажутся особенно прозрачными в послании «Дельвигу» («Друг Дельвиг, мой парнасский брат»), где образ «гордой жены» упоминается бегло, лишь в сравнении:

К неверной Славе я хладею;
И по привычке лишь одной
Лениво волочусь за нею,
Как муж за гордою женой.

(т. 2, с. 168)

Если вспомнить, что послание написано 23 марта, т. е. в период, когда Ек. Н. Раевская и М. Ф. Орлов были уже помолвлены, но еще не женаты, а также то, что Екатерина Николаевна Раевская своей гордостью и надменностью заслужила прозвище «Марфы-посадницы», то автобиографические основы этого мотива, может быть, станут для нас более понятными. Особенно если иметь в виду существование силуэтов-карикатур в альбоме Ек. Н. Раевской, изображающих «рекрута Гименея» Орлова в строгом подчинении у своей «Марфы-посадницы».²⁷ Напомню, что мотив «гордости» еще ранее, как чисто портретный мотив, был использован Пушкиным применительно к Ек. Н. Раевской в стихотворении «Красавица перед зеркалом».

Все это позволяет предположить также, что написанное около этого же времени стихотворение «Дева» (5 апреля 1821 года оно было перебелено в третьей кишиневской тетради)²⁸ связано с теми же биографическими обстоятельствами:

Я говорил тебе: страшися девы милой!
Я знал, она сердца влечет невольной силой.
Неосторожный друг! я знал, нельзя при ней
Иную замечать, иных искать очей.
Надежду потеряв, забыв измены сладость,
Пылает близ нее задумчивая младость;
Любимцы счастья, наперсники Судьбы
Смирненно ей несут влюбленные мольбы;
Но дева гордая их чувства ненавидит
И очи опустив не внемлет и не видит.

(т. 2, с. 180)

²⁶ В предыдущей строфе «Путешествия Онегина» Пушкин писал о зарождении реальных впечатлений, претворенных романтическим сознанием поэта, именно с его приездом в Гурзуф:

А там меж хижинок татар...
Какой во мне проснулся жар!
Какой волшебною тоскою
Стеснялась пламенная грудь!
Но, Муза! прошлое забудь.

(т. 6, с. 200)

²⁷ Пушкин А. С. Соч. / Под ред. С. А. Венгерова, т. 2, с. 113.

²⁸ Сандомирская В. В. Указ. соч., с. 19.

Характер отношений лирического героя этого стихотворения с «гордой девою» удивительно соответствует обстоятельствам увлечения Пушкина Екатериной Раевской.²⁹ Оставшаяся совершенно безучастной к ухаживаниям самого Пушкина, Екатерина Раевская к моменту создания стихотворения была помолвлена с М. Ф. Орловым. В начальных стихах написанного около 5 апреля послания «В. Л. Давыдову»:

“ Меж тем как генерал Орлов —
Обритый рекрут Гименея —
Священной страстью пламенея,
Под меру подойти готов... —

(т. 2, с. 178)

очевидно, звучит не только сожаление о грозящем потерей политической активности вступлении в брак крупного военного деятеля, но и задетое самолюбие.³⁰ Гордость, холодность и недоступность Ек. Н. Раевской были настолько велики, что даже спустя много лет в беседе с Я. К. Гротом она отрицала сколько-нибудь близкое общение с Пушкиным. «Катерина Николаевна, — записал с ее слов исследователь, — решительно отвергает недавно напечатанное сведение, будто Пушкин учился там (в Гурзуфе, — С. К.) под ее руководством английскому языку. Ей было в то время 23 года, а Пушкину 21, и один этот возраст, по тогдашним строгим понятиям о приличии, мог служить достаточным препятствием к такому сближению. По ее замечанию, все дело могло состоять только в том, что Пушкин с помощью Н. Н. Раевского в Юрзуфе читал Байрона и что когда они не понимали какого-нибудь слова, то, не имея лексикона, посылали наверх к Катерине Николаевне за справкой».³¹

Последним в третьей кишиневской тетради в ряду пьес, объединенных общим заглавием «Эпиграммы во вкусе древних», около середины апреля 1821 года было записано стихотворение «Дионея»,³² представляющее собой оригинальное развитие темы пятой элегии французского поэта Андре Шенье. Вероятно, не случайно, в отличие от Шенье Пушкин описал не робкую, таиную от всех, а счастливую и уже разделенную любовью молодой девушки:

Хромид в тебя влюблен; он молод, и не раз
Украдкой вдвоем мы замечали вас;
Ты слушаешь его, в безмолвии краснея;

²⁹ По предположению Л. Н. Майкова (*Майков Л. Н.* Пушкин. М., 1899, с. 105—106), в «Дево» отразились впечатления Пушкина от общения с кишиневской красавицей Пульхерией Варфоломей, которой поэт, как сообщал А. Ф. Вельтман, «посвятил несколько стихов» (Пушкин в воспоминаниях современников, т. 1, с. 292). Эта точка зрения, на наш взгляд, с полным основанием оспорена в издании собрания сочинений Пушкина под редакцией С. А. Венгерова: «Пульхерия Варфоломей, как рассказывает Вельтман, была существо холодное, бесстрастное, совершеннейшее произведение не природы, а искусства, напоминавшее автомат. К ней мало подходит образ пушкинской „Девы“, которая не бесстрашна, а „чувства ненавидит“. Вельтман не мог припомнить стихов, которые Пушкин ей посвятил. Конечно, эти стихи не „Дева“, которая была не раз напечатана, когда Вельтман писал свои воспоминания о Пушкине, и которую он не мог бы не вспомнить» (*Пушкин А. С.* Соч. / Под ред. С. А. Венгерова, т. 2, с. 557).

³⁰ Смешение тех же самых чувств ощущается и в сообщении о женитьбе М. Ф. Орлова в письме к А. И. Тургеневу от 7 мая 1821 года (т. 13, с. 29). Любопытно, что Пушкин сам не присутствовал на свадьбе и писал из Кишинева: «Орлов женился» — еще до того, как состоялось бракосочетание (15 мая в Клеве).

³¹ *Грот Я. К.* Пушкин, его лицейские товарищи и наставники. 2-е изд. СПб., 1899, с. 52.

³² См.: *Сандомирская В. Б.* Указ. соч., с. 20. Показательно, что после этого стихотворения, возможно последнего, связанного с отношением Пушкина к Ек. Н. Раевской, в третьей кишиневской тетради, по-видимому самим Пушкиным, вырваны примерно четыре листа, и дальнейшие записи относятся к концу августа 1821 года и к более позднему времени.

Твой взор потушенный желанием горит,
И долго после, Дионея,
Улыбку нежную лицо твое хранит.

(т. 2, с. 200)

Может быть, именно для того, чтобы скрыть автобиографичность пьесы, Пушкин написал первую редакцию «Дионея» от лица подруги, нежно сочувствующей этой любви, в то время как в элегии Шенье к влюбленной девушке обращается умудренный в любовных делах друг.

Известно, что это свое новое стихотворение поэт примерно в то же время, когда состоялось бракосочетание Орлова и Раевской — между 11 и 24 мая — читал в Одессе А. Н. Раевскому. «За обедом, — вспоминал в связи с этим М. В. Юзефович, — Раевский сообщил о новом произведении поэта, и все разом стали просить прочесть его; но Раевский не дал читать Пушкину, сказав, что сам прочтет, так как эти прекрасные стихи сразу врезались ему в память, и начал так:

Подруга милая, я знаю отчего
Ты с нынешней весной от наших игр удрала.

Эта вздорная шутка невольно всех рассмешила. . .»³³ Не исключено, что это пародирование Раевским начала первоначальной редакции стихотворения («удрала» вместо «отстала») имело характер не только чисто эстетической критики, но и биографической аллюзии. Александр Раевский мог этим намекать на то, что его сестра «удрала» от Пушкина к Орлову.

И еще одно стихотворение Пушкина наводит на предположение о связи его с теми же биографическими обстоятельствами. Это записанный в записной книжке также в апреле-мае 1821 года стихотворный набросок:

Если с нежной красотой
«Вы» чувствительны душою,
Если горести чужой
Вам ужасно быть виною,
Если тяжело помнить вам
Жертву [тайного] страданья —
Не оставлю сим листам
Моего воспоминанья.

(т. 2, с. 201)

По самому своему содержанию эти стихи — попытка преодолеть и освободиться от какого-то «страданья». Судя по тому, что в созданных в дальнейшем стихотворениях мы не находим отныне мотивов, которые можно было бы каким-либо образом связать с его безответным увлечением Ек. Н. Раевской, это «освобождение» Пушкину удалось.³⁴

Изложенное выше, как нам кажется, проливает свет на автобиографическую основу некоторых пушкинских стихотворений первого года

³³ Пушкин в воспоминаниях современников, т. 2, с. 117.

³⁴ По предположению С. М. Бонди, стихотворение адресовано Пульхерии Егоровне Варфоломей, об отношениях с которой Пушкина А. Ф. Вельтман сообщает: «Пушкин особенно ценил ее простодушную красоту и безответное сердце, не ведавшее никогда ни желаний, ни зависти. . . Добрая, таинственная девушка ему нравилась, нравилось и гостеприимство хозяев. Пушкин посвятил несколько стихов Пульхерие, которые я, однако же, не припомню» (Пушкин в воспоминаниях современников, т. 1, с. 290, 292). См.: Бонди С. М. Новые страницы Пушкина. М., 1931, с. 78—80. Однако по характеру адресата, у которого поэт предполагает «чувствительную душу», стихи вряд ли могут относиться к П. Варфоломей, которая тому же Вельтману казалась «совершеннейшим произведением не природы, а искусства» и заставляла его подозревать: «Не автомат ли она?» (Пушкин в воспоминаниях современников, т. 1, с. 291).

южной ссылки, составивших основу неосуществленного пушкинского замысла под заглавием «Эпиграммы во вкусе древних». Большинство высказанных соображений носит гипотетический характер. Это неизбежно, когда речь заходит о проблеме автобиографизма пушкинской лирики, в свою очередь связанной с вопросами психологии творчества, биографии поэта, многие моменты которой остаются для нас недоступными. Однако если это частично лишь гипотезы, то гипотезы, на наш взгляд, необходимые, гипотезы, которые позволяют представить жизненные импульсы к созданию пушкинских стихотворений. А это для нас тем более важно, что в «южный период, особенно в первые годы, автобиографизм в стихотворениях Пушкина достигает своей высшей степени. . . его творчество и его жизнь в эти годы неразделимы».³⁵

В последующие годы южной ссылки автобиографизм пушкинской лирики осложняется автобиографизмом второго типа, появлением элементов мистификации, созданием вокруг произведений биографической легенды. Именно поэтому вопрос об автобиографической основе «Бахчисарайского фонтана», по-видимому, не подлежит однозначному разрешению.³⁶ Именно то, что поэт неоднократно настойчиво повторял в переписке, что «многие места относятся к одной женщине, в которую я был очень долго и очень глупо влюблен» (т. 13, с. 67), вызывает естественный скепсис исследователей.³⁷ «Роль Петрарки» действительно была Пушкину «не по нутру» (т. 13, с. 67), но перед лицом романтически настроенного литературного окружения поэт был не прочь немного «поиграть в петраркизм».³⁸ То, что раньше было глубоко упрятано в ткань лирических стихотворений, теперь стало предметом откровенной литературной игры со стороны поэта. В первый же год южной ссылки пушкинская лирика по характеру ее автобиографизма была еще во многом продолжением петербургского периода.

³⁵ *Томашевский Б. В.* Пушкин, кн. 1, с. 485.

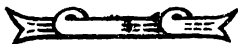
³⁶ Придя к закономерному выводу о «противоречивости» свидетельств Пушкина, Б. В. Томашевский при этом видит единственную возможность их примирения в предположении, что рассказ о «фонтане слез» Пушкин услышал «еще в Петербурге в семье Раевских, и установить точно, кто именно из младшего поколения семьи рассказывал легенду, не мог и сам Пушкин» (*Томашевский Б. В.* Пушкин, кн. 1, с. 502).

³⁷ См., например: *Лотман Ю. М.* Указ. соч., с. 69—74. Однако в своем скептицизме исследователь заходит слишком далеко и неверно истолковывает отзывы Пушкина о Ек. Н. Раевской-Орловой. Утверждая, что «ни о какой серьезной влюбленности» в Екатерину Раевскую со стороны Пушкина и речи не шло, Ю. М. Лотман аргументирует это тем, что «в 1825 году в письме к Вяземскому он назвал ее „славной бабой“ (т. 13, с. 226)». Но в своем полном виде этот позднейший отзыв отнюдь не исключает, а, скорее, предполагает какую-то увлеченность Раевской в прошлом: «Моя Марина славная баба: настоящая Катерина Орлова! знаешь ее? Не говори, однако ж, этого никому». Это тем более очевидно при сопоставлении с характеристикой Марины Мнишек из «Бориса Годунова»: «... она полька и собою презридна — (в роде К. Орловой, сказывал это я тебе?)» (т. 13, с. 240).

³⁸ Пушкин очень рано, уже во второй половине 1821 года, размежевался с эстетическим петраркизмом:

Она прелестная Лаура,
Да я в Петрарки не гождусь.

(т. 2, с. 227)

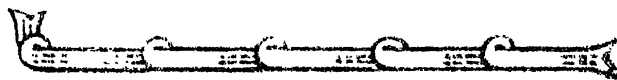

ISSN 0131—6095

Русская литература

11

1987

· НАУКА ·
Ленинградское отделение